

УДК 343.8

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ПО ЭФФЕКТИВНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ ФОРМ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И ИХ ВИДОВ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© Михаил Юрьевич ДВОРЕЦКИЙ

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат юридических наук,
профессор кафедры уголовного права и процесса,
e-mail: dvoreckiy-68@mail.ru

Анализируются направления оптимизации ответственности за преступления на современном этапе борьбы с преступностью. Предметом публицистического исследования выступает комплекс теоретических и практических проблем уголовной ответственности, ее понятие, основание, система форм, видов, их реализации и эффективности в отечественной уголовно-правовой теории, современной законодательной и правоприменительной практике РФ. Приводится исторический и уголовно-правовой анализ отечественного уголовного законодательства. Достижение поставленной цели обеспечивалось решением следующего ряда исследовательских задач, прежде всего, появление форм реализации уголовной ответственности, их видов, научные дискуссии в отечественной уголовно-правовой теории, ее результаты, отразившиеся в положениях отраслевого законодательства. Также проанализировано и сравнено использование отечественным законодателем уголовно-правовой категории «уголовная ответственность» в УК РФ с нормами современного уголовного законодательства зарубежных государств. В итоге предлагается отечественному законодателю разработать наиболее перспективные концептуальные направления усовершенствования государственной уголовно-правовой политики (норм УК РФ), прежде всего обеспечивающие эффективную реализацию уголовной ответственности за счет оптимизации ее форм и их видов.

Ключевые слова: предложения; эффективная реализации форм уголовной ответственности и их видов; современный этап борьбы с преступностью в РФ; оптимизация форм реализации уголовной ответственности и их видов; направления законодательного совершенствования отдельных видов уголовных наказаний; цели предупреждения преступлений и преступности; эффективность; оптимизация; виды наказания; иные меры уголовно-правового характера; уголовная ответственность; УК РФ.

По нашему мнению, основная концептуальная задача отраслевой науки – уголовного права – заключается в том, что появление в УК РФ нового по наименованию и содержанию раздела VI «Иные меры уголовно-правового характера» заставляет отечественных исследователей совсем по-иному рассматривать все другие меры, имеющиеся там. Вследствие того, что если до появления ФЗ РФ № 153-ФЗ это был только теоретический вопрос, когда отдельные авторы непосредственно относили к таковым от десяти до пятнадцати мер, то уже после 27 июля 2006 г. стало необходимым определиться окончательно и законодателю, реально перечислив их все в перечне, завершив систематизацию. Как нам представляется, уже даже по самому факту наличия в УК РФ иных мер уголовно-правового характера, помимо принудительных мер медицинского характера и конфискации имущества, законодателю целесообразно было бы сгруппировать и переместить

именно в этот раздел, что соответствовало бы требованиям правовой культуры и юридической техники, унифицировало применение и эффективность их реализации.

Следовательно, признаками конфискации имущества как иной меры уголовно-правового характера являются следующие обстоятельства.

Во-первых, она является принудительным безвозмездным обращением по решению суда в собственность государства определенного имущества.

Во-вторых, данная мера назначается только судом.

В-третьих, эта мера носит государственно-принудительный характер.

В-четвертых, назначается лишь обвинительным приговором суда.

В-пятых, применяется по усмотрению суда в отношении денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения определенных преступлений и любых

доходов от этого имущества, за исключением имущества и доходов от него, подлежащих возвращению законному владельцу.

В-шестых, применяется по усмотрению суда в отношении денег, ценностей и иного имущества, в которые имущество, полученное в результате совершения преступления, и доходы от него были частично или полностью превращены или преобразованы.

В-седьмых, применяется по усмотрению суда в отношении денег, ценностей и иного имущества, используемых или предназначенных для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

В-восьмых, применяется по усмотрению суда в отношении орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, принадлежащих обвиняемому.

В-девятых, если имущество, полученное в результате совершения преступления, и (или) доходы от этого имущества были приобщены к имуществу, приобретенному законным путем, то ей по усмотрению суда подлежит та часть этого имущества, которая соответствует стоимости приобщенных имущества и доходов от него.

В-десятых, применяется по усмотрению суда в отношении имущества, переданного осужденным другому лицу, если лицо, принявшее имущество, знало или должно было знать, что оно получено в результате преступных действий.

В-одиннадцатых, если ее применение в отношении определенного предмета, входящего в перечень имущества, подлежащего ей, на момент принятия судом решения о его принудительном безвозмездном обращении в собственность государства невозможно вследствие его использования, продажи или по иной причине, выносится решение о конфискации денежной суммы, которая соответствует стоимости данного предмета.

В-двенадцатых, она применяется наряду с наказанием и не может быть применена без него или вместо него.

В-тринадцатых, она содержит производную меру, заключающуюся в возмещении причиненного ущерба.

На наш взгляд, нельзя солидаризироваться с позицией некоторых отечественных ученых и представителей судейского корпуса

Российской Федерации непосредственно об отсутствии на сегодняшний день в отечественной системе наказаний эффективного противовеса, безусловно доминирующему лишению свободы в реальной действительности. Такие виды наказаний, как исправительные работы, штраф и лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью имеют достаточный неиспользованный потенциал и вполне могут стать таковыми при их полной оптимизации, обеспечив эффективную реализацию уголовной ответственности. По нашему мнению, именно штраф целесообразно было бы применять за общественно опасные деяния небольшой или средней тяжести корыстной направленности и связанные с причинением материального ущерба потерпевшему, где максимально можно было бы использовать его персонифицировано-превентивный потенциал. Соответственно, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью необходимо установить за преступления небольшой или средней тяжести, связанные с занятием определенной должности или занятием определенной профессиональной или иной деятельностью, что реально будет превентивным фактором для потенциальных виновных лиц. Как нам представляется, для наиболее эффективного исполнения было бы оптимальным снижение нижнего предела штрафа, при его обязательном исчислении только в МРОТ, с систематической корректировкой параметров федеральными законами, учитывающих инфляционные процессы в стране и доходы основной массы населения Российской Федерации. Поскольку законодательно целесообразно также вернуться к прежней редакции ч. 1 ст. 50 УК РФ, предусматривавшей отбывание исправительных работ по месту работы осужденного, то именно это обстоятельство позволяло осуществлять эффективную профилактику, прежде всего на индивидуальном и специальном криминологическом уровнях. Вследствие того, что если санкции всех без исключения норм о преступлениях небольшой и средней степени тяжести должны предусматривать именно данный вид наказания, то исходя из известного улучшения за последнее десятилетие социально-экономической ситуации в РФ мы можем констатировать наличие определенных

объективных предпосылок для увеличения доли тех видов наказаний, т. е. которые не связаны с ограничением или лишением свободы. А именно, среди всех мер государственного принуждения в настоящее время, назначаемых судами Российской Федерации осужденным лицам, тем самым позволяя эффективно реализовывать уголовную ответственность. Следовательно, высшей судебной инстанции страны – Верховному суду Российской Федерации – необходимо, непосредственно обобщив судебную практику и проанализировав имеющуюся ситуацию, унифицировать практику, обратив внимание судей на назначение данных видов наказаний и их превентивный потенциал в отношении осужденных и иных лиц.

На наш взгляд, есть целый ряд обстоятельств, позволяющих расширить и практику применения дополнительных наказаний, прежде всего за счет дальнейшего совершенствования их законодательной регламентации, обеспечивая эффективную реализацию уголовной ответственности. Только лишь после этого также необходимы разъяснения со стороны высшей судебной инстанции, относящиеся в первую очередь к практике их назначения, с максимальной унификацией в целях преодоления субъективизма судей. Поскольку, к сожалению, в положениях Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации № 40 от 11 июня 1999 г. «О практике назначения судами уголовного наказания» данные вопросы не затрагиваются, то, наряду с этим, с его принятием высшей судебной инстанцией страны были алогично признаны утратившими силу и многие иные постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации, хотя бы частично отвечавшие на них. Так, к примеру, положения Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации «О практике назначения судами Российской Федерации дополнительных мер наказания», непосредственно или в какой-либо части рассматривавшие эти принципиально важные проблемы в реальной действительности. В свою очередь, по нашему мнению, т. к. в современной правоприменительной практике назначения дополнительных видов наказания появляется множество неоднозначных ситуаций, и судьи крайне редко применяют их, целесообразно для решения этих проблем

дать Пленумом Верховного суда Российской Федерации разъяснения, оптимизировав деятельность судов в данном направлении.

Как нам представляется, законодательно необходимо вернуть конфискацию имущества в систему наказаний в качестве дополнительного вида, фактически предусмотрев ее вместе с лишением свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений корыстной направленности в полном объеме, без каких-либо исключений, тем самым обеспечив эффективную реализацию уголовной ответственности. На наш взгляд, судам Российской Федерации следует окончательно отказаться от неэффективных видов, оптимизировав правоприменительную практику назначением наказаний, не связанных с ограничением или лишением свободы, изменив традиционные тенденции их неоптимистичного доминирования. Именно поэтому нам целесообразно проанализировать основные направления совершенствования тех видов наказаний, которые связаны с ограничением или лишением свободы. Это является чрезвычайно важным, исходя из постоянного доминирования лишения свободы в современной судебной практике Российской Федерации.

Вследствие того, что УК РФ из данных видов наказаний предусматривает ограничение свободы, непосредственно применение которого было отсрочено законодателем продолжительное время в реальной действительности Российской Федерации. Его суть состоит в следующем: позволяет реально и относительно безболезненно переместить осужденного из негативной криминогенной социальной среды; поместив под надзор на установленный приговором суда срок в исправительный центр для привлечения к труду.

По нашему мнению, содержательно этот вид направлен:

- во-первых, на ограничение связей осужденного с прежним и современным внешним миром, достигаемое путем помещения и изоляции его в исправительном центре;
- во-вторых, на обязательное привлечение осужденного к труду, на существование определенных трудовых и иных правовых ограничений;
- в-третьих, на наличие социального статуса судимого, когда судимость возникает и сохраняется в течение всего периода отбы-

вания приговора и продолжается год после его отбытия.

Поскольку в настоящее время ограничение свободы было сформулировано законодателем в 83 санкциях, реально предусматриваясь за совершение преступлений небольшой и средней тяжести, составляя количественно 21,5 % от общего числа всех имеющих в УК РФ, то именно оно изначально позволяет эффективно воздействовать на осужденных лиц продолжительный промежуток времени исполнения. Соответственно назначаясь за совершение неосторожных преступлений от 1 до 3 лет и за совершение умышленных общественно-опасных деяний от 1 года до 5 лет исполнения. Как нам представляется, фактически, будучи позитивным образом, не связанным с полной изоляцией осужденного лица от общества, в отличие от ареста или лишения свободы, данный вид имеет несомненные перед ними преимущества, делающие его наиболее эффективно реализуемым. Так, согласно позиции Г.А. Стеничкина, «это слишком легкий путь, который сузит и без того небогатый на сегодня спектр наказаний, не связанный с изоляцией осужденного от общества. И масса людей (около 150–180 тыс.) окажется и без того в не пустующих местах лишения свободы» [1, с. 16]. В свою очередь, ряд ученых предлагает внести соответствующие изменения в содержание ограничения свободы, тем самым оптимизировав его реализацию. На основании вывода О.В. Филимонова, «необходимо упразднить колонии-поселения как вид исправительных учреждений и реорганизовать их в исправительные центры» [2, с. 20]. В.Ю. Перепелкиным предлагается следующее: «Ввиду сходства элементов, ограничивающих свободу, у колоний-поселений и исправительных центров необходимо сократить число колоний-поселений и создать на их основе исправительные центры» [3, с. 18]. Однако, на наш взгляд, именно данные выводы-предложения утопичны, т. к. на сегодняшний день:

1) в колониях-поселениях находится достаточно представительное количество осужденных лиц за общественно опасные деяния, совершенные по неосторожности и за умышленные преступления небольшой и средней тяжести, ранее не отбывавшие лишение свободы, в соответствии со ст. 58 УК РФ;

2) на территории европейской части страны фактически нет колоний-поселений;

3) для осуществления этого реформирования потребуется существенным образом скорректировать как УК РФ, так и УИК РФ.

Проанализировав возможности реализации ограничения свободы, даже несмотря на свою потенциальную эффективность, именно оно, исходя из всех вышеперечисленных обстоятельств, непосредственно является реально неосуществимым и (или) неисполнимым в ближайшем будущем видом наказания.

Вследствие того, что другим рассматриваемым видом наказания, применение которого также было непосредственно долговременно отсрочено законодателем, выступает арест, содержательно состоящий из факта осуждения, ограничения свободы передвижения осужденного, изоляции его от общества, правовых ограничений, т. е. заключающихся в установленных и регламентированных условиях жизни и быта заключенного в арестном доме и в наличии у него судимости как особого социального статуса. По нашему мнению, само нахождение осужденных в арестном доме, в условиях строгой изоляции, соответствующей тюрьме общего режима на срок от 1 до 6 месяцев гипотетически должно эффективно воздействовать на лиц, изначально не представляющих большой общественной опасности. И, в свою очередь, именно лиц, требующих недлительной изоляции от общества, гарантирующей не совершения ими новых общественно-опасных деяний в будущем времени. По представлению А.В. Наумова, «арест есть своего рода напоминание преступнику о том, что значит уголовное наказание, что за этим видом наказания может последовать и длительное лишение свободы» [4, с. 409]. Так, в уголовном праве есть позиция С.Ф. Милюкова. Именно согласно положениям, «он должен применяться только в двух наиболее типичных ситуациях: 1) когда личность виновного характеризуется отрицательно, но он не имеет опыта нахождения в местах лишения свободы и потому, пусть кратковременное, но интенсивное воздействие способно отвлечь его от совершения новых преступлений; 2) когда к виновному уже применялось наказание, в том числе лишение свободы, но санкция УК, по которой он привлекается к

ответственности в настоящее время, не содержит более строгого наказания, чем арест» [5]. Поскольку на сегодняшний день именно данный вид наказания реально составляет существенный сегмент среди всех санкций УК РФ, будучи представленным законодателем в 132 из них или 22,6 % от общего их количества. Большинство из них предусмотрено законодателем за преступления небольшой и средней степени тяжести. Ретроспективу ареста можно начинать с XIX – начала XX в. В настоящее время именно он закреплен законодателем в УК РФ и успешно используется в правоприменительной практике большинства государств, обладающих развитой правовой системой, в т. ч. и отраслевого законодательства. На наш взгляд, хотя даже и его потенциальная эффективность, так же как и ограничение свободы, не является гарантией перспектив фактической реализации, поскольку создание принципиально новой инфраструктуры исполнения ареста требует весьма существенных финансовых затрат от каждого государства. В свою очередь, официальные отечественные эксперты прогнозируют количество осужденных к нему в стране в среднем от 60 до 70 тыс. человек ежегодно. Соответственно «для размещения арестантов необходимо построить в субъектах Российской Федерации не менее 140 арестных домов общей сметной стоимостью свыше 50 млрд руб.» [2]. Следовательно, исходя именно из данного обстоятельства, по мнению большинства специалистов, «отсутствует у этого вида наказания реальная перспектива как средства борьбы с преступностью» [6, с. 48; 7, с. 25; 8, с. 50]. По представлению О.В. Филимонова, «наряду с финансовыми проблемами имеются и другие обстоятельства, относящиеся к особому порядку и условиям отбывания наказания в виде ареста, когда подавляющее большинство лиц, отбывших именно этот вид наказания, может приобрести серьезные психологические заболевания» [2, с. 21]. Вследствие того, что именно его реализации продолжает препятствовать, прежде всего, целый комплекс финансово-экономических факторов, то реально их воздействия Российская Федерация только лишь в перспективе способна будет преодолеть и в достаточном объеме профинансировать сооружение, оборудование и содержание необходимого для эффективного

его применения количество арестных домов на всей территории Российской Федерации. Все всевозможные перспективы его дальнейшей оптимизации связаны с дальнейшим поступательным социально-экономическим развитием страны, с непосредственным переходом к реализации всех предусмотренных УК РФ видов наказаний в реальной действительности. Однако даже несмотря на то, что он только зафиксирован отечественным законодателем в санкциях уголовного закона, будучи неопределенно отсроченным в исполнении, целесообразно учитывая позитивный опыт зарубежных правовых государств и цивилизованных обществ, внести предложения по реформированию в национальном отраслевом законодательстве (согласно ст. 33 и 37 УК Испании, арест в выходные дни может быть назначен на срок от 1 до 24 дней, за исключением случаев, когда им заменяется тюремное заключение, а если арестованный дважды неправомерно пропускает его отбывание, суд по надзору может решить, что арест должен исполняться непрерывно) [9, с. 22-23]. Первоначально, наиболее оптимальным и несравненно наименее материально затратным для бюджета является реализация ареста именно только лишь в выходные и праздничные дни, что позволит доказать его эффективность современной правоприменительной практикой, логично перейдя и к другим более финансово емким формам осуществления государственного принуждения.

Следующим видом уголовных наказаний выступает содержание в дисциплинарной воинской части. Суть его состоит в особом характере, заключающемся в определенной специальной направленности. И, соответственно, согласно вполне логичному и достаточно обоснованному выводу А.И. Шилова, «преследующего цели исправления осужденных военнослужащих, предупреждения с их стороны преступлений с помощью специальных средств военно-исправительного воздействия» [10, с. 197]. На наш взгляд, именно данный вид наказания предоставляет реальную возможность основной массе военнослужащих, совершивших преступления и не представляющих большой общественной опасности, отбывать его при продолжении выполнения своих обязанностей по службе. В свою очередь нам необходимо констатировать, что современная представительная

практика реализации содержания в дисциплинарной воинской части убедительно доказывает именно его эффективность при назначении в отношении военнослужащих срочной службы. Так, А.И. Шилов резюмирует: «Около 90 % этой категории лиц, проходящих военную службу по призыву, направляются военными судами, как правило, в дисциплинарные воинские части» [10]. По мнению данного отечественного исследователя, «эмпирические данные подтверждают, что среди осужденных, отбывавших наказание в дисциплинарных воинских частях, достаточно низок уровень рецидива в постпенитенциарный период» [10]. Как нам представляется, фактически вплоть до перехода на полностью профессиональную основу в комплектовании Вооруженных сил Российской Федерации именно этот вид будет применяться в отношении военнослужащих рядового и сержантского состава, проходящих военную службу как по призыву, так и по контракту в реальной действительности.

Вследствие того, что именно в настоящее время одним из самых часто назначаемых судами видов наказаний продолжает оставаться лишение свободы, будучи количественно стабильным, когда в стране каждый третий осужденный является лицом, лишенным свободы, то по числу государств в мире Российская Федерация уступает лишь США при меньшей численности населения. Так, согласно выводу Э.Ф. Побегайло, «к 1 апреля 2004 г. в местах лишения свободы РФ находилось 823 400 человек» [11, с. 133]. Соответственно, на то же число 2007 г. их количество уже составило 858 500 осужденных лиц. В свою очередь, на основании прогнозов некоторых отечественных ученых, «лишение свободы было, есть и будет самым распространенным в судебной практике наказанием» [12]. Исходя из предположений других исследователей, «тюремное наказание (лишение свободы) будет применяться все чаще – как следствие роста преступности... увы, достойной альтернативы тюрьме нет» [13, с. 463]. На наш взгляд, следует возразить против этой крайне бесперспективной для отечественной теории и правоприменительной практики позиции отечественных авторов. Данное наказание, хотя и заключается в реальной изоляции преступников от общества, при устрашающем на них воздей-

ствии и целенаправленных попытках осуществлять процесс их перевоспитания, не является оптимально-универсальным исходя из современной ситуации в РФ и мире в целом. По нашему мнению, к наиболее часто проявляющимся негативным последствиям реализации лишения свободы как вида уголовного наказания относятся следующие обстоятельства:

- 1) потеря большинства общественно полезных социальных связей;
- 2) зачастую за время пребывания осужденного вне общения с близкими родственниками распадается его семья;
- 3) существенным образом осложняется непосредственное воспитание и материальное обеспечение несовершеннолетних детей, содержание нетрудоспособных родителей;
- 4) из данных мест, вследствие их полной противоестественности для всякого человека, не все отбывшие этот вид наказания люди выходят абсолютно исправившимися.

Именно сложившаяся ситуация требует внесения наиболее конструктивных предложений по изменению неоптимистичного соотношения назначаемых судьями видов наказаний традиционно к отсроченным мерам и нечасто реализуемым их разновидностям. Поскольку многолетнее доминирование лишения свободы непосредственно связано, прежде всего, с тем, что другие наказания, реально не имеющие столь явно выраженного карательного содержания, практически не назначаются судами, то первопричиной этого является целый комплекс социально-экономических обстоятельств, имеющих в Российской Федерации. Соответственно заключающихся как в росте безработицы, так и в увеличении числа малоимущих граждан, и (или) лиц не имеющих регулярных источников доходов. Наряду с этим имеются также и существенные недостатки, выражающиеся как в законодательной регламентации других видов наказаний, так и в систематическом игнорировании представителями судебной системы их большого предупредительного потенциала в реальной действительности. На наш взгляд, следующей аналогичной существенной причиной многолетнего преобладания лишения свободы по отношению к остальным видам наказания, назначаемых судами Российской Федерации, является то, что одновременно с ним обязательные рабо-

ты, ограничение свободы, арест, а затем и принудительные работы были изначально закреплены отечественным законодателем во многих санкциях Особенной части УК РФ. Хотя вследствие их систематического неприменения на практике большинство из них непосредственно утратили свой первоначально альтернативный характер, и в настоящее время реально доминирует практически безвариантное только лишение свободы, тем самым не обеспечивая эффективную реализацию уголовной ответственности в Российской Федерации.

Наряду с этим следует отметить также и целый ряд разнообразных недостатков в законодательной регламентации и практике реализации именно этого исторически традиционного вида наказания, что позволяет нам внести законодателю следующие предложения по его оптимизации в дальнейшем. Прежде всего, отечественному законодателю было бы наиболее целесообразно сбалансировать некоторые санкции уголовно-правовых норм УК РФ. Вследствие того, что текст УК РФ содержит 93 санкции (15,9 % от общего их числа), которые непосредственно предусматривают лишение свободы за совершение преступлений небольшой степени тяжести, а 146 санкций (25 % от общего числа) – за общественно-опасные деяния средней тяжести, то нам никак нельзя разделить бесперспективную для развития теории и практики позицию в реальной действительности. На наш взгляд, для дальнейшей оптимизации отечественной системы наказаний в контексте эффективной реализации уголовной ответственности законодателю следует осуществить следующие изменения и дополнения УК РФ:

1) исключить лишение свободы из всех санкций, предусматривающих ответственность за преступления, относящиеся к категории небольшой тяжести;

2) существенно уменьшить количество тех санкций, которые предусматривают лишение свободы за совершение общественно-опасных деяний средней тяжести, т. к. в настоящее время 25 %, или каждая четвертая санкция УК РФ, предусматривает именно его;

3) дополнить санкции УК РФ, предусматривающие лишение свободы альтернативными наказаниями, максимально расширив и дифференцировав их, тем самым объ-

ективно обеспечив преодоление субъективизма судей.

Поскольку столь продолжительная нереализация таких наиболее перспективных по своей потенциальной эффективности видов наказаний, как обязательные работы, ограничение свободы и арест, сформулированных законодателем в санкциях УК РФ, утратила их первоначально альтернативный характер, то необходимо констатировать, что наказание в виде лишения свободы реально должна восприниматься судами как действительно чрезвычайная мера. Соответственно, именно как мера государственного принуждения, назначаемая судьями только лишь в исключительных случаях. К аналогичному выводу пришла и высшая судебная инстанция, когда, по представлению Пленума Верховного суда РФ № 40 от 11 июня 1999 г. «О практике назначения судами уголовного наказания» именно данный вид должен назначаться лишь тогда, когда реализация целей наказания посредством применения иных, менее строгих видов наказания невозможна в реальной действительности. Следовательно, исходя из этого обстоятельства, лишение свободы как вид наказания может реализовываться судом, если сам состав преступления представляет повышенную общественную опасность, и личность преступника также характеризуется высокой степенью угрозы для окружающих его лиц, общества и государства.

На наш взгляд, хотя в современной судебной практике Российской Федерации довольно часто встречаются ситуации, именно данный вид наказания суды страны применяют безосновательно, необоснованно расширяя сферу уголовной репрессии за счет крайней ее меры в реальной действительности. Так, например, в ежегодном докладе «О деятельности уполномоченного по правам человека в России в 2002 г.» приводится случай судебной практики: «Когда гр-н Ф. был осужден к отбыванию пяти лет лишения свободы за кражу 27 руб. у своего знакомого, которого он перед этим долго уговаривал приобрести спиртные напитки на имевшиеся у них совместные деньги». Следующей актуальной проблемой в исследуемом нами контексте реализации уголовной ответственности, оптимизации системы ее форм и их видов являются сроки отбывания лишения свободы. По общему правилу отечественной

теории уголовного права «краткосрочным обычно считают лишение свободы на срок до 1 года, соответственно» [14, с. 37; 15, с. 16; 16]. Вследствие того, что авторы в основном придерживаются унифицированной позиции, отрицающей их достаточную эффективность из-за целого ряда значительных недостатков и упущений, то, прежде всего, по эмпирическим данным и выводам экспертов уровень рецидивной преступности среди лиц, отбывших краткосрочное лишение свободы, гораздо выше, нежели среди других категорий осужденных в реальной действительности. Г.А. Аванесовым констатируется наличие следующего обстоятельства: «Корреляционная зависимость между величиной фактически отбытого наказания и вероятностью рецидива, причем со стороны лиц с фактически отбытым сроком не более чем одного года был отмечен наивысший уровень повторной преступности: в пределах от 30 до 38 %» [17]. Согласно же данным социологических исследований еще советского периода: «Из 506 человек, осужденных к лишению свободы на срок до 1 года, после освобождения 30,2 % вновь совершили преступления» [18, с. 46]. Соответственно, российские ученые уже в постсоветский период отмечают следующий факт: «Каждый третий рецидивист начал свою преступную деятельность с пребывания в воспитательной колонии, где он отбывал именно краткие сроки лишения свободы» [18, с. 133]. В свою очередь, по мнению М.И. Бажанова, «исправительное воздействие на осужденных краткосрочного лишения свободы крайне ограничено» [15, с. 142]. По представлению же А.С. Михлина, «при этом сам же процесс исправления за такой срок не приводит к систематическим желаемым позитивным результатам в перевоспитании осужденных лиц, поскольку администрация исправительного учреждения просто не успевает изучить личность осужденного и осуществить необходимый комплекс мер по его исправлению» [19, с. 16; 20, с. 24]. Поскольку же фактически должно «учитываться отрицательное воздействие на т. н. «краткосрочников» со стороны преступной среды – остальных осужденных, находящихся в исправительной колонии» [15, с. 142], то именно данный причинно-следственный комплекс непосредственно обуславливает нецелесообразность краткосрочного

лишения свободы до одного года в реальной действительности Российской Федерации. Таким образом, именно это предложение отечественному законодателю необходимо соотнести и реализовать вместе с идеей об исключении лишения свободы из перечня санкций статей УК РФ, предусматривающих ответственность за совершение преступлений небольшой тяжести и об ограничении применения данного вида наказания за совершение общественно опасных деяний средней тяжести соответственно.

На наш взгляд, само же решение законодателя о снижении минимального срока лишения свободы до двух месяцев представляется концептуально ошибочным, т. к. фактически после этого не стало столь необходимого разграничения между арестом и лишением свободы, и тем самым был непосредственно нарушен основополагающий принцип построения системы наказаний в реальной действительности. Вследствие того, что согласно положениям ст. 44 УК РФ образующим критерием этой системы является вполне логичное и достаточно оптимальное увеличение их тяжести, то в соответствии именно с данной конструкцией арест позиционируется законодателем как менее суровое наказание, чем лишение свободы на определенный срок УК РФ. В настоящее время именно он, на основании положений ст. 54 УК РФ, фактически устанавливается на срок от 1 до 6 месяцев в реальной действительности. В свою очередь, помимо этого, исходя из положений ст. 69 УИК РФ предусматривается следующее: осужденные к нему содержатся в условиях строгой изоляции, на них распространяются условия содержания, которые приравнены к условиям общего режима в тюрьме. Следовательно, фактически лишение свободы на срок от 2 до 6 месяцев является более мягким видом наказания по сравнению с арестом на одинаковый срок, что алогично и реально не соответствует декларируемому законодателем принципу.

Другой наиболее актуальной проблемой, продолжительно дискутирующейся в отечественной отраслевой науке, стала практика назначения именно данного вида наказания на длительные сроки исполнения. По нашему мнению, более злободневной она стала непосредственно в связи с принятием и вступлением в действие УК РФ, где законодателем

был увеличен максимальный срок лишения свободы осужденных лиц. Поскольку в настоящее время у отечественных исследователей отсутствует единая позиция по временным критериям длительных сроков, то одни из них ограничивают их «8–15 годами», другие же – «8–10 годами», третьи – «5–10 годами» [21, с. 17; 22, с. 15; 23, с. 13]. И, наконец, четвертые – «12–15 годами» [18, с. 13; 24]. Следовательно, фактически продолжительность этого срока лишения свободы непосредственно составляет 10–15 лет, а сверх длительного срока, 15–20 лет, соответственно. Вследствие того, что отдельные авторы выступают поборниками именно их назначения при абсолютном доминировании мнения о возможной ограниченной реализации лишь в исключительных случаях, то при этом многие ученые предлагают снижение максимальных пределов лишения свободы, предусмотренных УК РФ, аргументируя это следующими обстоятельствами применения уголовно-правовых норм [25]. По их представлению: «Исправительно-воспитательный процесс на столь длительное время рассчитан быть не может» [15; 21; 22, с. 14]. В свою очередь, на основании позиции С.П. Мокринского, «удерживать, в целях исправления более 5 лет нет основания: не исправив субъекта в течение этого срока, учреждение достаточно ясно обнаружило свое бессилие исправить его в дальнейшем» [26, с. 139].

Исходя из вполне логичного и достаточно обоснованного вывода И.Ю. Бобылева, следующей причиной является следующее: «длительное лишение свободы приводит к привыканию лица к условиям места лишения свободы» [15, с. 146; 21]. Соответственно, тогда у него фактически развивается непосредственно устойчивая антисоциальная установка, характеризующаяся прочно укоренившейся готовностью действовать в направлении достижения своей сознательно противопоставляемой обществу преступной цели в реальной действительности. В местах лишения свободы массово имеет место взаимное криминальное «заражение» осужденных, чему регулярно способствует неэффективно контролируемая администрациями учреждений их неформальная самоорганизация, систематически навязывающая им обычаи, традиции, иерархию, бытующие в преступной среде, воспроизводя себе подобных.

В свою очередь, абсолютно преобладающее число преступлений, совершаемых ими, фактически является непосредственно проявлением неформализованных санкций за нарушение «тюремных законов» (73 %), наиболее часто применяемых к лицам, сотрудничающим с администрацией мест лишения свободы (47 %), к тем из них, кто нарушает запрет на общение с «отверженными» (12 %), становясь подозрительными для остальных, а также неформальные отношения, состоящие в «выколачивании долгов» (18 %). На наш взгляд, самому существованию неформальных законов способствует скученность осужденных, когда даже такая низкая норма прошлого века, как 2,5 м² на человека, далеко не всегда соблюдается во многих учреждениях в реальной действительности Российской Федерации.

В условиях перехода Российской Федерации к рыночной экономике обострилась и проблема обеспеченности осужденных работой, вследствие чего, с одной стороны, сама возможность трудиться в местах лишения свободы резко сократилась. Соответственно, с другой же стороны, сам отказ от труда официально расценивается как дисциплинарный проступок со стороны администрации предприятия (учреждения, организации). Вследствие того, что положительное отношение к трудовой деятельности данных лиц является обязательным фактором для позитивного решения вопроса об их условно-досрочном освобождении, то в фактически построенной и существующей таким образом системе отбывания лишения свободы отсутствие регулярной работы только усугубляет ее порочность, непосредственно выступая в качестве мощнейшего криминогенного фактора в реальной действительности. По выборочным данным примерно 70 % лиц, отбывших этот вид наказания, вновь попадают в ту же социальную среду, которая ранее оказывала на них отрицательное влияние, или они сами ищут такие объекты асоциального общения в ближайшем бытовом окружении, зачастую находя их. Поскольку освобожденные из мест лишения свободы, как правило, крайне плохо адаптируются в трудовых коллективах, когда большинство этих лиц (89 %) устраиваются не по специальности и на неквалифицированную работу, то среди них те, кто реально так и не прибывает к избранному

месту жительства, – это каждый 5–6-й, находившийся в ИТУ Минюста. По мнению ряда отечественных исследователей, «другая значимая причина заключается в том, что в случае длительного лишения свободы осужденный теряет прежние социальные связи. Это обстоятельство существенно осложняет его адаптацию после освобождения» [15, с. 146; 23]. Как нам представляется, вследствие чего после отбытия наказания любой осужденный испытывает большие трудности в социальной адаптации, с трудом привыкая к жизни на свободе, из-за чего возобновляются прежние или устанавливаются новые антиобщественные контакты в окружающей его реальной действительности Российской Федерации. Безусловно, систематические сложности в ресоциализации особенно усиленно проявляются в сегодняшнее время, когда в современном российском обществе с рыночной экономикой резко возрастает значение самостоятельности и ответственности личности, поскольку в сильной степени увеличивается свобода выбора жизненного пути при уменьшении роли в этом государственных институтов. Таким образом, не стало прежних ограничений, сдержек, противовесов в реальной постсоветской действительности. Однако, систематические социально-экономические трудности еще более усугубились в трудовом и бытовом устройстве бывших осужденных, нивелировав ту регулярную опеку над освобожденными лицами, которая была характерна для 70–80-х гг. XX в. в Советском Союзе. Безусловно, данным последствием поспособствовали системные недостатки непосредственно в их подготовке к выходу на свободу, в контроле над их поведением со стороны правоохранительных органов, в т. ч. и в эффективной реализации такой специфической меры, как гласный административный надзор в реальной действительности. В результате именно он стал алогично осуществляться не за всеми освобождаемыми лицами, официально подпадающими под него, а только лишь выборочно, иногда начинаясь крайне несвоевременно, приводясь достаточно формально, не дифференцированно, а ограничения в отношении поднадзорных не индивидуализируются как прежде, делая их изначально только лишь малоэффективными мерами «экономно-явочного контроля».

В конечном итоге, анализ реализации именно данного вида наказания нам представляет возможным солидаризироваться с констатацией следующего обстоятельства рядом отечественных ученых: «Назначение длительных сроков лишения свободы с точки зрения общего и специального предупреждения преступлений не является необходимым» [21; 22, с. 15]. В соответствии с этим выводом мы согласны с имеющейся в отечественной уголовно-правовой науке позицией о достаточной эффективности десятилетнего срока для полного исправления осужденных преступников. По вполне логичному и достаточно обоснованному мнению И.Ю. Бобылева, «анализ исправительно-трудовой характеристики осужденных, их отношение к назначенному наказанию дают основание полагать, что существует определенный психологический предел восприятия карательно-воспитательного воздействия, равный 8–10 годам отбытого срока лишения свободы, за которым основные показатели исправления и перевоспитания не только не улучшаются, но порой и ухудшаются» [21, с. 57]. Фактически же лишение свободы на срок от 10 до 15 лет целесообразно назначать только лишь в ситуациях повышенной общественной опасности деяния в реальной окружающей действительности. Соответственно, как самого совершенного общественно-опасного деяния, так и личности преступника. Вследствие того, что законодателю необходимо одновременное внесение изменений и дополнений в УК РФ для снижения максимального предела наказания в виде лишения свободы с 20 до 15 лет, то также следует снизить и максимальные пределы назначения определенного наказания по совокупности преступлений и приговоров до 20 лет и 25 лет, соответственно. На наш взгляд, именно данное предложение законодателю можно обосновать эмпирическими данными об относительно нечастом использовании судьями длительных (от 10 до 15 лет), сверхдлительных (от 15 до 20 лет) и кратковременных (до 1 года) сроков лишения свободы в реальной действительности Российской Федерации. Следовательно, мы констатируем необходимость для дальнейшей оптимизации законодательной регламентации рассматриваемого вида уголовного наказания, отечественному законодателю целесообразно

образно осуществить следующие корреляции ныне действующих положений УК РФ:

- 1) повышение минимального предела лишения свободы до 6 месяцев;
- 2) снижение максимального его предела до 15 лет;
- 3) снижение максимального предела по совокупности преступлений до 20 лет;
- 4) снижение максимального предела по совокупности приговоров до 25 лет;
- 5) исключение наказания в виде лишения свободы из числа санкций, предусматривающих ответственность за общественно опасные деяния небольшой тяжести;
- 6) сокращение числа санкций, которые предусматривают лишение свободы за совершение преступлений средней тяжести;
- 7) дополнение санкций, предусматривающие лишение свободы альтернативными видами наказаний;
- 8) вообще отказаться от краткосрочного лишения свободы.

Поскольку лишение свободы судьям априори необходимо воспринимать как изначально чрезвычайную меру и назначать ее только лишь тогда, когда совершенное деяние и личность преступника представляют действительно повышенную общественную опасность, то осуществление всего комплекса этих предложений позволило бы законодателю существенно сократить его высокую долю в общей структуре назначаемых судами наказаний. И, соответственно, в целом повысить эффективность реализации форм уголовной ответственности и их видов.

1. *Стеничкин Г.* Наказание в виде ограничения свободы // *Законность*. 2001. № 3.
2. *Филимонов О.В.* Проблемы применения в России уголовных наказаний, альтернативных лишению свободы // *Развитие альтернативных санкций в российской уголовной юстиции: опыт и перспективы: сборник материалов Международной конференции*. М., 2002.
3. *Перепелкин В.Ю.* Ограничение свободы как вид наказания (содержание, назначение и исполнение): автореф. дис. ... канд. юр. наук. Н. Новгород, 2000.
4. *Наумов А.В.* Российское уголовное право. Общая часть. М., 1999.
5. *Милоков С.Ф.* Российская система наказаний. СПб., 1998.
6. *Трахов А.* Бессистемная система наказаний в УК РФ // *Российская юстиция*. 2000. № 9.

7. *Рамазанов Г.* Куда движется уголовное законодательство? // *Российская юстиция*. 1999. № 1.
8. *Филимонов О.В.* Токийские правила и российская практика применения наказаний, не связанных с лишением свободы // *Российская юстиция*. 2003. № 2.
9. *Уголовный кодекс Испании / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Ф.М. Решетникова*. М., 1998.
10. *Шилов А.И.* Уголовное наказание в виде содержания в дисциплинарной воинской части: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Рязань, 1998.
11. *Побегайло Э.Ф.* Кризис современной российской уголовной политики // *Уголовное право*. 2004. № 3.
12. *Дементьев С.К., Дьяченко Р.А., Трахов А.И.* Уголовное наказание: содержание, виды, назначение и исполнение. Краснодар, 2000.
13. *Рассказов Л.П., Упоров И.В.* Лишение свободы в России: истоки, развитие, перспективы. Краснодар, 1999.
14. *Карпец И.И.* Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. М., 1973.
15. *Бажанов М.И.* Назначение наказания по советскому уголовному праву. Киев, 1980.
16. *Сергеева Т.Л., Помчалов Т.Ф.* Эффективность краткосрочного лишения свободы // *Эффективность уголовно-правовых мер борьбы с преступностью*. М., 1968. С. 20-23.
17. *Аванесов Г.А.* О возможностях использования методов математической статистики в исследованиях по исправительно-трудовому праву // *Материалы Всесоюзного семинара преподавателей исправительно-правового права 6–10 февраля 1967 г.* М., 1968. С. 164-166.
18. *Дзигарь А.Л.* Уголовное наказание: эволюция и перспективы. Краснодар, 2001.
19. *Михлин А.С.* Действенность наказаний, несвязанных с лишением свободы // *Советская юстиция*. 1976. № 18.
20. *Пономарев В.* Применение кратких сроков лишения свободы // *Советская юстиция*. 1983. № 13.
21. *Бобылева И.Ю.* Длительные сроки лишения свободы. М., 1992.
22. *Михлин А.С., Шмаров И.В.* Длительные сроки лишения свободы // *Бюллетень Верховного суда СССР*. 1991. № 11.
23. *Николайченко В.В.* Длительные сроки лишения свободы. Уголовно-правовые, исправительно-трудовые аспекты: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Саратов, 1991.
24. *Чернов А.Д.* Лишение свободы как вид уголовного наказания (уголовно-правовые и уголовно-исполнительные аспекты): автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 1998.
25. *Дементьев С.И.* Лишение свободы: уголовно-правовые и исправительно-трудовые аспекты. Ростов н/Д, 1981.
26. *Мокринский С.П.* Наказание, его цели и предложения. М., 1902.

1. *Stenichkin G.* Nakazanie v vide ogranicheniya svobody // *Zakonnost'*. 2001. № 3.
2. *Filimonov O.V.* Problemy primeneniya v Rossii ugovolnykh nakazaniy, al'ternativnykh lisheniya svobody // *Razvitie al'ternativnykh sanktsiy v rossiyskoy ugovolnoy yustitsii: opyt i perspektivy: sbornik materialov Mezhdunarodnoy konferentsii*. M., 2002.
3. *Perepelkin V.Yu.* Ogranichenie svobody kak vid nakazaniya (soderzhanie, naznachenie i ispolnenie): avtoref. dis. ... kand. jur. nauk. N. Novgorod, 2000.
4. *Naumov A.V.* Rossiyskoe ugovolnoe pravo. Obshchaya chast'. M., 1999.
5. *Milyukov S.F.* Rossiyskaya sistema nakazaniy. SPb., 1998.
6. *Trakhov A.* Bessistemnaya sistema nakazaniy v UK RF // *Rossiyskaya yustitsiya*. 2000. № 9.
7. *Ramazanov G.* Kuda dvizhetsya ugovolnoe zakonodatel'stvo? // *Rossiyskaya yustitsiya*. 1999. № 1.
8. *Filimonov O.V.* Tokiyskie pravila i rossiyskaya praktika primeneniya nakazaniy, ne svyazannykh s lisheniem svobody // *Rossiyskaya yustitsiya*. 2003. № 2.
9. *Ugovolnyy kodeks Ispanii / pod red. N.F. Kuznetsovoy, F.M. Reshetnikova*. M., 1998.
10. *Shilov A.I.* Ugolovnoe nakazanie v vide sodержaniya v distsiplinarnoy voinskoy chastii: avtoref. dis. ... kand. jur. nauk. Ryazan', 1998.
11. *Pobegaylo E.F.* Krizis sovremennoy rossiyskoy ugovolnoy politiki // *Ugolovnoe pravo*. 2004. № 3.
12. *Dement'ev S.K., D'yachenko R.A., Trakhov A.I.* Ugolovnoe nakazanie: sodержanie, vidy, naznachenie i ispolnenie. Krasnodar, 2000.
13. *Rasskazov L.P., Uporov I.V.* Lishenie svobody v Rossii: istoki, razvitie, perspektivy. Krasnodar, 1999.
14. *Karpets I.I.* Nakazanie. Sotsial'nye, pravovye i kriminologicheskie problemy. M., 1973.
15. *Bazhanov M.I.* Naznachenie nakazaniya po sovetskomu ugovolnomu pravu. Kiev, 1980.
16. *Sergeeva T.L., Pomchalov T.F.* Effektivnost' kratkosrochnogo lisheniya svobody // *Effektivnost' ugovolno-pravovykh mer bor'by s prestupnost'yu*. M., 1968. S. 20-23.
17. *Avanesov G.A.* O vozmozhnostyakh ispol'zovaniya metodov matematicheskoy statistiki v issledovaniyakh po ispravitel'no-trudovomu pravu // *Materialy Vsesoyuznogo seminaraprepo-davateley ispravitel'no-pravovogo prava 6–10 fevralya 1967 g.* M., 1968. S. 164-166.
18. *Dzigar' A.L.* Ugolovnoe nakazanie: evolyutsiya i perspektivy. Krasnodar, 2001.
19. *Mikhlin A.S.* Deystvennost' nakazaniy, nesvyazannykh s lisheniem svobody // *Sovetskaya yustitsiya*. 1976. № 18.
20. *Ponomarev V.* Primenenie kratkikh srokov lisheniya svobody // *Sovetskaya yustitsiya*. 1983. № 13.
21. *Bobyleva I.Yu.* Dlitel'nye sroki lisheniya svobody. M., 1992.
22. *Mikhlin A.S., Shmarov I.V.* Dlitel'nye sroki lisheniya svobody // *Byulleten' Verkhovnogo suda SSSR*. 1991. № 11.
23. *Nikolaychenko V.V.* Dlitel'nye sroki lisheniya svobody. Ugolovno-pravovye, ispravitel'no-trudovye aspekty: avtoref. dis. ... kand. jur. nauk. Saratov, 1991.
24. *Chernov A.D.* Lishenie svobody kak vid ugovolnogo nakazaniya (ugolovno-pravovye i ugovolno-ispolnitel'nye aspekty): avtoref. dis. ... kand. jur. nauk. M., 1998.
25. *Dement'ev S.I.* Lishenie svobody: ugovolno-pravovye i ispravitel'no-trudovye aspekty. Rostov n/D, 1981.
26. *Mokrinskiy S.P.* Nakazanie, ego tseli i predlozheniya. M., 1902.

Поступила в редакцию 4.06.2014 г.

UDC 343.8

OFFERS OF EFFECTIVE REALIZATION OF FORMS OF CRIMINAL RESPONSIBILITY AND THEIR TYPES AT PRESENT STAGE OF STRUGGLE CRIMINALITY IN RUSSIAN FEDERATION

Mikhail Yuryevich DVORETSKY, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Law, Professor of Criminal Law and Process Department, e-mail: dvoreckiy-68@mail.ru

The optimization direction for crimes at the present stage the fight against crime is analyzed. The subject of journalistic research supports a set of theoretical and practical problems of criminal responsibility, its concept, the base, the system forms, types, their implementation and effectiveness in the domestic criminal law theory, modern legislation and law enforcement practice of the Russian Federation. The historical and criminal legal analysis of domestic criminal law is provided. Achieving this goal is ensuring that a number of research tasks, especially the emergence of forms of implementing the criminal responsibility of their species, the scientific debate in the domestic criminal law theory and its results were reflected in the provisions of the sectoral legislation. Also the use of domestic legislator criminal legal category of "criminal responsibility" in the Criminal Code to the norms of modern criminal legislation of foreign states are analyzed and compared. In the end the author suggests the domestic legislator to develop the most promising conceptual directions of improvement of the state penal policy (the rules of the Criminal Code), first of all, ensure the effective implementation of criminal responsibility, due to the optimization of its forms and types.

Key words: offers; effective implementation of forms of criminal responsibility and their types; present stage of fight against crime in RF; optimization forms of implementation of criminal responsibility and their types; direction of legislative improvement of certain types of criminal penalties; purpose of crime prevention and crime; efficiency; optimization; penalties; other measures of criminal law; criminal liability; Criminal Code of Russian Federation.

